

В.А. КРАСНОКУТСКИЙ

ОЧЕРКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Опыт систематизации
законодательства РСФСР
и СССР по судоустройству
и гражданскому
судопроизводству

В. А. Краснокутский
Очерки гражданского
процессуального права.
Опыт систематизации
законодательства
РСФСР и СССР по
судоустройству и гражданскому
судопроизводству

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74536691

*Очерки гражданского процессуального права. Опыт систематизации
законодательства РСФСР и СССР по судоустройству и гражданскому
с:*

ISBN 978-5-907762-91-6

Аннотация

Предлагаемая книга представляет собой первое и единственное исследование отечественного гражданского судопроизводства в духе идей древних гностических верований и философии анархизма. Автор книги, историк-юрист, профессор гражданского права и гражданского судопроизводства, ученый,

склонный к мистицизму, состоял в восточном отряде ордена Тамплиеров, образованном в 1920 г. на территории РСФСР, был поклонником и продолжателем идей Рудольфа Штамлера, которого В.И. Ленин заклеил как дюжинного юриста-схоластика, дающего глупые определения «в самом худом смысле этого слова». Гражданское процессуальное право советской республики рассмотрено автором как «правильное средство для правильной цели», как часть проекта неокантианцев с анархистскими взглядами по созданию гражданского общества, во всех отношениях управляемого на основании права. В «Очерках...» первоначально сообщается о традиционном теоретическом и историческом материале, который может осветить действующее законодательство. Благодаря незаконченности книги по содержанию, отражающей, по мысли автора, также реальное явление жизни, все новое в законодательстве и теоретической разработке будущего, найдет себе в ней соответствующее место для более углубленного теоретического объединения.

Для юристов, историков, студентов, аспирантов, преподавателей вузов и всех тех, кто интересуется историей, философией права и отечественного правосудия.

Содержание

Краснокутский Василий Александрович:	7
мистик-анархист о советском гражданском	
судопроизводстве	
Предисловие	26
Введение	28
§ 1. Социальное и экономическое значение	28
гражданского процесса	
§ 2. Метод гражданского процесса	32
§ 3. Наука гражданского процесса	37
§ 4. Характер процессуальных правил и их	47
отношение к публичному и частному праву	
§ 5. Формальный характер процессуальных	54
правил	
Отдел первый	59
§ 6. Основные понятия	59
§ 7. Основные начала судопроизводства	63
Отдел второй	84
§ 8. Общесудебные учреждения	84
Конец ознакомительного фрагмента.	90

**Василий Александрович
Краснокутский
Очерки гражданского
процессуального права
Опыт систематизации
законодательства РСФСР
и СССР по судоустройству
и гражданскому с**

© Краснокутский В.А., 2025

© В.А. Аргунов, предисловие, 2025

© ИД «Городец», оригинал-макет (верстка, корректура, редактура, дизайн), полиграфическое исполнение, 2025

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

@ Электронная версия книги подготовлена

ИД «Городец» (<https://gorodets.ru/>)

**Краснокутский Василий
Александрович: мистик-
анархист о советском
гражданском судопроизводстве**

Ученые-юристы, чья жизнь и творчество оказались вовлечены в круговорот «эпохи перемен» Великой октябрьской социалистической революции в нашем Отечестве; чьи взгляды и интересы строились вокруг обустройства горемычной матери-России и ее народа, — останутся в памяти поколений либо как трусы, сбежавшие при первом возможном случае в тихие стабильные края, либо как неутомимые экспериментаторы, попытавшиеся предложить авторский вариант правового регулирования в социалистическом государстве.

Василий Александрович Краснокутский, пожалуй, относится ко второй группе. Однако он — не ярый революционер, стремившийся сломать до основания предшествующие достижения юриспруденции в угоду классовым интересам. Более того, большинство современников и коллег причислили бы его к юристам — консерваторам, весьма осторожно относившимся к революции в праве. Не отвергая нового социалистического права и государства, будучи по воззрениям мистиком-анархистом, он сумел потрудиться как на благо капиталистического права, так и над строительством права страны советов. Его труды, независимо от времени создания, несут идеи социальной справедливости и содержат конструктивную критику, с одной стороны, либеральной юриспруденции, с другой — марксизма и классического анархизма.

Василий Александрович родился в 1873 г. в Херсонской Губернии. В 1892-м был принят в число студентов Москов-

ского Университета 17 июня, по окончании учебы в 1897 г. был оставлен при Университете для приготовления к профессорскому званию¹. В 1903 г. он защитил магистерскую диссертацию по римскому праву, создав себе имидж юриста-историка, который на долгие годы станет его призванием в социально-политических взглядах.

Затем добавляется имидж цивилиста-процессуалиста. Педагогическую деятельность он начал в 1904 г. после утверждения в качестве приват-доцента на кафедре гражданского права и гражданского судопроизводства (1905–1911). Читал курсы по римскому праву, гражданскому праву, гражданскому процессу, вексельному праву, конкурсному процессу, латинскому языку. С 1911 по 1916 г. наряду с чтением лекций по гражданскому судопроизводству преподавал торговое право и торговое судопроизводство, а также международное право вместе с А.С. Нерсесовым и А.Л. Бойковым.

Первый дореволюционный период его профессиональной деятельности ознаменовался созданием и выходом в свет трудов в классическом духе цивилистики², процессуального

¹ В эти годы В.А. Краснокутский свой первый конспект по римскому праву: Система римского права. Обязательственное право. По лекциям приват-доцента А.Г. Гусакова. Составлено студентом В.А. Краснокутским в 1893–94 г. М., 1894.

² *Краснокутский В.А. Международное частное право. Пособие к лекциям приват-доцента Московского Университета В.А. Краснокутского. М., 1910; Местное гражданское право губерний прибалтийских и привислинских. Пособие к лекциям приват-доцента Московского Университета В.А. Краснокутского. М., 1910;*

права³ эпохи капитализма. Но в них уже просматриваются идеи критериев «правильности права».

В.А. Краснокутский также активно занимался переводами юридической литературы с немецкого и французского языков, некоторых иностранных законов. В течение этого периода научно-педагогической деятельности им в соавторстве созданы и отредактированы переводы австрийского закона «О приказчиках» 1910 г., норвежского закона «Об акционерных обществах» 1910 г., а в 1914 г. – Германского торгового уложения 1897 г. и ряда других⁴.

В 1904 г. он выступил редактором перевода и русского издания учебника Внешней истории Римского права К.Г. Брунса и О. Ленеля⁵, в 1908 г. – Конституционного права и общей теории права Леона Дюги⁶, а также перевод обширных статей известного немецкого теоретика права и анархизма Рудольфа Штаммлера, озаглавленного на русском

³ Краснокутский В.А. Русский торговый процесс. Пособие к лекциям, читанным на юридическом факультете Московского Университета и в Московском коммерческом институте приват-доцентом В.А. Краснокутским. М., 1915

⁴ Австро-Венгрия. Законы и постановления. Австрийский Проект закона о промышленных товариществах. Под ред. В.А. Краснокутского. М., 1914

⁵ См.: Брунс К.Г., Ленель О. Внешняя история римского права / Пер. с нем. А. и В.Д. Труханович-Ходановичей; под ред. приват-доцента Московского университета В.А. Краснокутского; с предисловием профессора Московского университета П.Е. Соколовского. М., 1904.

⁶ Конституционное право: Общая теория государства / Пер. приват-доцентов Моск. ун-та / А. Яценко, В. Краснокутского и Б. Сыромятникова; с предисл. к рус. пер. проф. П. Новгородцева и авт. М., 1908.

языке как «Сущность и задачи права и правоведения».

В это время он также опубликовал ряд статей, редактировал по поручению Московского Университета посмертное издание «Учебника торгового права» и «Учебника русского гражданского права» Г.Ф. Шершеневича. В.А. Краснокутский как прогрессивный юрист позволил себе даже внести изменения в тексты Г.Ф. Шершеневича. Так, например, в 1914 г. при подготовке к одиннадцатому (посмертному) изданию «Учебника гражданского права» Г.Ф. Шершеневича он дополнил его третий отдел, посвященный обязательственному праву, статьями из пятой книги проекта Гражданского уложения, внесенной министром юстиции на рассмотрение Государственной думы⁷.

Пристальное знакомство с историей Рима и стран востока, а также с трудами Рудольфа Штаммлера, по-видимому, значительно повлияли на этические и социально-политические взгляды В.А. Краснокутского, ставшего впоследствии приверженцем гностики, мистики и анархизма. Перевод книги Р. Штаммлера «Теоретические основы анархизма», где была дана критика всех существующих тогда направлений этого движения с надеждой на управление гражданским обществом только и на основании права, не обошелся без участия Василия Александровича. Эту идею он попытался воплотить

⁷ См.: *Томсинов В.А.* Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века // Законодательство. 2015. № 5. С. 89.

в жизнь в своей последующей профессиональной деятельности как ученого, преподавателя, сотрудника Наркомата Юстиции.

Революционное и послереволюционное время Василий Александрович провел как последовательный идеолог умеренных правовых реформ, постепенного реформирования старых идей, отрицая установки «первой фазы» развития советского социалистического государства, когда основной задачей советского суда и процесса являлось беспощадное подавление эксплуататоров, борьба с классовым врагом и его агентурой, пытающимся сопротивляться политике пролетарской диктатуры. Все это противоречило рациональным и правильным целям в понимании права, являлось, по мнению В.А. Краснокутского, возвратом к утилитаризму с его допущением в трактовке понятия права любых средств для любой цели. Профессор верил в значительные возможности права, отрицал догмат об его отмирании. Предлагал понимать гражданское судопроизводство как общую гуманитарную ценность: «По мере осложнения политики внутренних и внешних отношений к неизжитому еще классу капиталистов первоначальное отрицательное отношение может сменяться разными способами привлечения и допущения к судебной защите и их интересов», – писал он.

Ясно, что за такие взгляды он был признан извращающим идею социалистического государства и права по сравнению с идеями В.И. Ленина. В 1917–1919 гг. В.А. Краснокутский

– еще профессор кафедры гражданского права Московского Университета. Но после упразднения юридического факультета МГУ, весной 1919 г., он наряду с другими профессорами «старой буржуазной школы» не получил назначения в штате вновь образованного Юридикополитического отделения Факультета общественных наук Московского Университета. Однако продолжил карьеру в качестве сотрудника Наркомата Юстиции.

В 1922–1923 гг. В.А. Краснокутский участвует в законодательной работе. Был председателем Межведомственной комиссии при НКЮ РСФСР по выработке гражданских законов. Он также участвовал в работе комиссий по разработке проектов Гражданского процессуального кодекса РСФСР, Положения о векселях, Положения о патентах. Однако его социально-политическая платформа не позволяла до конца воплотить закладываемые в новое право идеи. Здесь показательная история с разработкой Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.

Известно, что работа над проектом гражданского кодекса РСФСР велась специально созданной Межведомственной комиссией под руководством В.А. Краснокутского. Но проект был отвергнут как слишком широко и некритично использующий буржуазное право⁸. О том, что проект Межведомственной комиссии не соответствовал позициям ответственного за разработку закона А.Г. Гойхбарга и не устраи-

⁸ Швеков Г.В. Преемственность в праве. М., 1983. С. 138–139.

вал Коллегию НКЮ (очевидно, разделявшую эти позиции), свидетельствует служебная записка, которую А.Г. Гойхбарг направил Краснокутскому в августе 1922 г. после обсуждения общей части проекта: «Из представленной мне общей части проекта Кодекса усматриваю (с чем согласилась и Коллегия НКЮ) полное нежелание считаться как с существующими законами, так и с основным положением об имущественных правах последней сессии ВЦИК. Обращая внимание Комиссии на это обстоятельство, вынужден предупредить, что продолжение работы в этом направлении может сделать бесплодной всю работу Комиссии». Объясняя далее причины отклонения проекта, А.Г. Гойхбарг, по существу, повторил свои претензии, высказанные в записке В.А. Краснокутскому: «...технически знающие юристы... выработали начало проекта, в котором оказалось, что всякий буржуй может найти ответ на все вопросы, которые его интересуют, но не было почти намека на то, что произошло у нас пять лет тому назад и что, я надеюсь, не исчезло

из жизни...»⁹

Перечисленные недостатки, проекта почти безоговорочно признавались и в позднейшей литературе как хрестоматийный пример неспособности юристов старой школы уразуметь, какие институты «буржуазного» гражданского пра-

⁹ *Шиловост О.Ю.* Александр Гойхбарг. Горькая судьба Красного Трибунала. Биография создателя первого советского Гражданского кодекса. М., 2020. С. 274–275.

ва и при каких условиях могли с пользой работать на социалистическое государство¹⁰. Однако при детальном исследовании, по мнению юристов-историков, отклоненный проект в целом оказался неплохим и годным к воплощению в социалистическом праве, что и было впоследствии реализовано. Как пишет Т.Е. Новицкая, не все в проекте было так уж плохо, в ряде случаев критика была явно несправедлива. Главным и самым существенным недостатком явилось то, что в проекте была слабо выражена классовая направленность. Работая изолированно, без привлечения «юристов-коммунистов», юристы старой школы смогли «вложить» в проект лишь прекрасное знание современной им цивилистической мысли, достижения которой они и отразили. Отбросить же представление о том, что гражданское право – это частное право они так и не смогли. Именно поэтому проект, предложенный Межведомственной комиссией, не мог быть одобрен¹¹.

Правовое учение неокантианца марбургского направления¹² Рудольфа Штаммлера о «правильном», «чистом» пра-

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Новицкая Т.Е.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. История создания. Общая характеристика. Текст. Приложения. 2-е изд. М., 2002 С. 48.

¹² Основателем которой выступили Герман Коген со своими трудами «Кантова теория опыта» (1871), «Кантовское обоснование этики» (1887), «Кантовское обоснование эстетики» (1889) и трехтомником «Системы философии» и его ученик Пауль Наторп. Оба были профессорами Марбургского Университета. Взгляды данной школы повлияли и на правоведов, видевших в праве примат формы, а

ве, как известно, заключалось в том, что это модель «естественного права с меняющимся содержанием»¹³, осмысление права как центрального и ведущего фактора социального развития. В этом смысле Р. Штаммлер, трансформировав телеологическую концепцию Р. Иеринга, и взгляды А. Фейербаха о ценностях в праве (справедливость, целесообразность, нравственность) был, с одной стороны, близок к «юристен-социалистам», запрещающим замыкаться праву на себе самом, а с другой – «легитимирующим позитивистом», пытавшимся обосновать первичность права с помощью этических категорий в духе И. Канта, а не только ища его в социально-исторических условиях жизни индивида, общества и государства. Этакая смесь «историзма» с априорным знанием; этикой; сущего с должным. Но все-таки с превалированием «должного». Как замечают историки, Р. Штаммлер исходил из обусловленности права больше человеческим разумом, нежели фактами жизни, поэтому для него познание рационального права состояло в чисто априорном – дедуктивном – «теоретическом» познании (как и для К. Менгера в экономике), концентрирующемся исключительно на норма-

не содержания. Подробнее см.: *Никулина О.В.* Марбургская школа неокантианства: Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, Н. Гартман // Вестник Нижневартбургского государственного университета. 2008. № 2.

¹³ *Горбань В.С.* «Учение о правильном праве» Р. Штаммлера как синтез формально-рационалистического (кантианского) подхода правопонимания и телеологической концепции права Р. Иеринга // Право и политика. 2017. № 9. С. 11.

тивных аспектах¹⁴.

«Техническое» и «теоретическое» учение о праве Р. Штаммлера не позволило впоследствии В.А. Краснокутскому точно оценить значение исторической действительности, сложившейся в ходе создания и существования молодого советского государства и права. Совершенные им попытки создания «теоретического» учения о социалистическом гражданском, торговом праве, пришлось видоизменять и дополнять как слишком консервативные для советского строя.

Теоретическое построение советского гражданского процессуального права изложено в предлагаемой к прочтению книге. Насколько адекватно оно было жизни советской России 1920-х годов – судить читателю. По нашему мнению, его процессуальные взгляды более прогрессивны, чем в цивилистике, но и их постигла та же участь, что и работы по гражданскому и торговому праву. Хоть В.А. Краснокутский не допускал отчуждения права от народа, от жизни, с одной стороны, и не превращал право лишь в средство для конечной цели – с другой, он находился в плену правопонимания по Штаммлеровски как «ненарушимого самовластного регулирования социальной жизни людей»¹⁵ (связующего во-

¹⁴ См.: *Арнаутова Ю.Е.* «Историзм», «проблема историзма», «кризис историзма»: феномен историзма и понятие «историзм» в немецких науках о духе XIX – начала XX в. // Новое прошлое. 2019. № 4. С. 99.

¹⁵ *Штаммлер Р.* Сущность и задачи права и правоведения. М., 1908. С. 54.

леизъявления без отождествления с принудительностью)¹⁶. Слишком фантастически это звучало для советской действительности 1920-х годов и пахло анархизмом.

Неопределенность направлений политики с развитием и разработкой законодательной базы для молодого советского государства, господство теории отмирания права, набирающие популярности технического подхода к праву и процессу; вероятно, и недовольство результатами кодификаций 1922–1923 гг., двигают В.А. Краснокутского на научную работу, где была хоть какая-то возможность сделать свои взгляды доступными для широкой общественности. В центре это было сделать трудно, поэтому с 1925 г. Василий Александрович – профессор Среднеазиатского университета (ныне – Национальный Университет Узбекистана), где в 1928–1929 гг. еще и декан экономического факультета¹⁷.

В то время Университет был центром знаний в Центральной Азии, почти все учебные заведения Центральной Азии ведут свое начало от Ташкентского университета¹⁸. Как

¹⁶ Подробнее см.: *Шавеко Н.А.* Правовое учение Рудольфа Штаммлера: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 61–66.

¹⁷ Очерки истории Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина. Ташкент, 1980. С. 231.

¹⁸ Пять эшелонов профессоров. Борис Голендер о Ташкентском Университете. URL: <https://fergana.agency/videos/120687/> (дата обращения: 21.02.2025); *Хакимов Р.Т.* Становление и развитие международного права в Узбекистане с начала XX века по настоящее время // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2019. Т. 6. № 3. С. 53; Ташкентский ордена Дружбы народов государственный экономический университет. Ташкентский финансовый институт. 1931–1991. Ташкент,

пишут очевидцы событий, Среднеазиатский университет в те годы обладал еще некоторой автономией. Профессоров и преподавателей выбирали, приглашали, а не назначали сверху. На факультете общественных наук, где одной из выдающихся фигур был профессор Л.В. Успенский, в ходу была созданная им теория «легальной оппозиции». Сущность ее была в том, что, не возражая против основного направления советской политики в области высшего образования, в то же время там, где это было возможно и поскольку возможно, отстаивать элементы университетской автономии – независимость преподавания, право факультетов на выбор профессуры. Пользуясь этим правом, факультет избрал в свой состав Н.Н. Фиолетова, а позднее известных московских профессоров Винавера, Краснокутского, Виноградова, Руднева и некоторых других¹⁹.

Поездка в Азию была полезна и для развития собственных взглядов Василия Александровича на ряд исторических и политико-правовых явлений. Дело в том, что профессор В.А. Краснокутский с 1920 г. состоял в Российском Ордене Тамплиеров²⁰. Это была влиятельная тайная организация того периода,

созданная как Восточный отряд Ордена тамплиеров,

1991. С. 30.

¹⁹ См.: *Фиолетова Н.Ю.* История одной жизни // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 9. Париж, 1990. С. 55, 61.

²⁰ Розенкрейцеры в Советской России. Документы. 1922–1937 гг. / Сост. А.Л. Никитин. М., 2004. С. 233.

анархистом А.А. Карелиным вместе с писателем Андреем Белым в 1920 г. По имеющимся данным, В.А. Краснокутский был принят в орден лично А.А. Карелиным в начале 1920-х годов, а к 1933 г. имел десятую степень посвящения наряду с профессором математики В.М. Комаревским и другими влиятельными представителями науки и искусства (всего в Ордене существовало двенадцать степеней посвящения)²¹.

Основной контингент ордена составляли преподаватели, студенты, ученые, артисты, художники и писатели – творческая и университетская интеллигенция. Как и большинство членов ордена, В.А. Краснокутского, (мистика по натуре), привлекала разветвленная система корпуса легенд, в которых прослеживается сильное влияние гностических верований в сплаве с идеями анархизма и тамплиерским фольклором. В.А. Краснокутский, проявляя большой интерес к египтологии, ассириологии и тому подобному, в Ташкенте читал лекции о шумерийской культуре, об Атлантиде и об Интернационале в древности²².

Вот как пишет о В.А. Краснокутском жена профессора Н.Н. Фиолетова, знавшая его лично: «...очень бодрый для своих лет, быстро сдружился с Л.В. Успенским и В.М. Кома-

²¹ Орден Российских тамплиеров. Т. 1: Документы 1920–1944 гг. / Сост. А.Л. Никитин. М., 2003. С. 20.

²² Орден Российских тамплиеров. Т. 2: Документы 1920–1944 гг. / Сост. А.Л. Никитин. М., 2003. С. 214.

ревским и часто бывал и у нас. Это был очень своеобразный человек, с большими религиозными интересами, “богоискатель”. Как и Л.В. Успенский, он свысока смотрел на Церковь, как на нечто, пригодное только для удовлетворения религиозных потребностей людей примитивного склада, “не поднявшихся” до уровня высокой духовной жизни. Сам он считал себя “христианнейшим”, “пневматиком”, и проповедовал идеи, обличавшие в нем приверженца гностицизма в духе Маркиона²³. Чрезвычайно интересный собеседник, он проявлял большой интерес к антропософии и теософии, увлекался египетской мудростью, Трисмегистом, мистериями, йогами, легендами об Атлантиде, чуть ли не считал себя потомком

древних атлантов.

Таким образом, в Ташкенте в окружении Л.В. Успенского были люди самых разнообразных религиозно-философских интересов, большинство из которых – единомышленники гностика-пневматика В.А. Краснокутского: В.М. Комаревский, увлекавшийся в те годы антропософией Р. Штайнера; знаток мусульманской мистики в ее разнообразных течениях А.А. Семенов; ищущий атеист Д.И. Барботкин. Ареной для публичных выступлений стало организованное при университете философское общество, скоро, впрочем, закры-

²³ Подробнее о гностицизме см.: *Пантелеев А.Д.* Платон и гностики: в поисках идеального человека // Вестник русской христианской гуманитарной академии. ۲۰۱۳. Т. 14. Вып. 3. С. 119.

тое. А.А. Семенов прочитал там доклады об измаелитах, мистической мусульманской секте “старцев горы”, и о мусульманских поклонниках сатаны. В.М. Комаревский сделал доклад о математической бесконечности по учению Кантора и о философии свободы в системе Р. Штайнера. Это то, что запомнилось. Был прочитан доклад о понятии бесконечности в философии Николая Кузанского»²⁴.

Известно, что в 1930-е годы в отношении В.А. Краснокутского были гонения в связи с его мистико-анархистскими взглядами. Предполагалось, что он является членом существовавшей тогда контрреволюционной анархо-мистической группы, в которую входили анархисты-мистики, ранее принимавшие участие в анархистских кружках А. Карелина²⁵. Однако сотрудникам ОГПУ не удалось доказать прямого участия Василия Александровича в указанных организациях, многие функционеры, опасные для советского строя, были выявлены, а деятельность их организаций прекращена. На этом фоне интерес к профессору и его политической надежности угас.

В 1940-х годах В.А. Краснокутский работал профессором юридического факультета Института внешней торговли; среди его студентов были М.М. Богуславский, М.Г. Розенберг, В.А. Туманов. В 1942–1945 годах – он вновь профессор кафедры гражданского права воссозданного юридического

²⁴ Там же. С. 71–62.

²⁵ Орден Российских тамплиеров. Т. 2. С. 250–251.

факультета МГУ. Известно его соавторство в классическом учебнике по римскому праву под редакцией И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского, опубликованного в 1948 г., где им были написаны 1, 2 и 5 разделы²⁶. Так Василий Александрович на исходе профессиональной деятельности вернулся к истокам своего пути – римскому праву.

Труд под названием «Очерки гражданского процессуального права. Опыт систематизации законодательства РСФСР и СССР по судоустройству и гражданскому судопроизводству» вышел в 1924 г. в прогрессивном на ниве советского строительства и известном издательстве Иваново-Вознесенского Губсоюза потребительских обществ в г. Кинешме. Название и предисловие к книге говорят об использовании В.А. Краснокутским методики Р. Штаммлера в научном познании советского гражданского судопроизводства и при теоретических построениях его правовой модели. Книга не закончена, что признает и сам автор, указывая на незначительность эмпирического материала и констатируя недостаточную ясность о значении процессуального права в политических кругах и действиях молодого советского правительства. Профессор все еще пытается представить советское гражданское процессуальное право «правильным средством для правильной цели», уйдя от Иеринговского правовопонимания абсолюта философии социального утилитариз-

²⁶ Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 1948.

ма и инвариантного априорного правового содержания естественного права. Особенно показательна эта попытка после критики А.Г. Гойхбарга и В.И. Ленина, доставшейся ему и его соратникам в ходе разработки первого гражданского кодекса РСФСР несколькими годами ранее. Энтузиазм, как видно, не пропал!

Много интересных идей ждет читателя на страницах этой книги. Ряд из них, подхваченных позднее, был впервые поставлен для советского гражданского процесса. Например, это касается гипертрофии формализма в процессе, метода гражданского процесса, соотношения материального и процессуального права, некоторых принципов процесса (в том числе принципа разделения властей и независимости судей), различения общих предположений процесса и предпосылок права на иск (права на заявление в особом производстве), статуса суда как хозяина процесса и руководителя сторон. Есть в труде и анализ самых прогрессивных доктрин процесса (взгляды А. Ваха, А. Менгера и пр.) и опыта их воплощения в реальность (имеются в виду Австрийское процессуальное уложение 1895 г., некоторые германские и отечественные законы начала XX в.).

Критика Р. Штаммлером, а за ним и В.А. Краснокутским, идей марксизма и классического анархизма поставила вопрос о «правильном праве», но на практике не решила его. Не решен он до сих пор. Может ли быть «правильным правом» только надлежащим образом устроенный по-

зитивизм²⁷? Или его формула распространяема и на другие внешние проявления современного правового регулирования²⁸?

Историческая и теоретическая актуальность «Очерков» бесспорна. Они наводят на ряд мыслей, возвращая нас к поиску значения права и его роли в современном цифровом обществе с его новыми возможностями и опасностями.

Аргунов Всеволод Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
юридического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова

Критика Марксизма и анархизма Рудольфом Штаммлером // Философия права. 2016. № 5 (78) С. 111.

²⁷ Как полагают некоторые молодые ученые. См., например: *Шавенко Н.А.*

²⁸ Например – персонифицированное право.

Предисловие

Здание современного русского суда еще стоит в лесах. Спешно заканчиваются работы снаружи, не все кончено внутри, а жизнь уже кипит, и возникает потребность разобраться в ее круговороте. Законодательство, центральные органы управления со всем своеобразием работы, свойственной нашему времени, уже собрали и накопили обширный материал. Его нужно систематизировать и обработать.

Из этих потребностей выросли настоящие «Очерки», из указанного свойства материала – невозможность дать что-либо законченное. Учитывая все особенности исторического момента и характера работы деятелей в области судореформы, нельзя все-таки не видеть ее связи с охватившим и западные законодательства стремлением освободиться из духоты процесса, завещанного прошлым. Реформы процесса в Австрии, Германии и даже Англии были предтечами того стихийного движения, которое у нас за короткий срок имеет уже свою длинную историю.

При этом на Западе теория не успела еще приспособиться к жизни, у нас же сама жизнь еще бьется в попытках улечься в определенное русло. Ведомственные стремления и централизация – внутри республик, организация суда по республикам и общесоюзная работа – все это переплетается в основных линиях. Практика, уже претендующая на руковод-

ство (Юг) и осторожно нащупывающая лишь почву (Север) – таковая картина жизни. Несколько теоретических вопросов, и то в области спорных общих вопросов права, да текущая журнальная литература по вопросам толкования и применения – вот материал.

Но и при таких условиях потребность выполнить предварительную работу систематизации остается неотложной.

«Очерки» наполняют ее в таком порядке: вначале (введение, отдел первый) сообщается тот традиционный теоретический и исторический материал, который может осветить действующее законодательство, когда его единство можно будет обозреть.

Далее в отделе судоустройства большое место отведено специальным судебным учреждениям, цикл которых не закончен еще развитием (арбитражные суды при биржах, патентные суды и т. д.). Здесь пришлось коснуться и судопроизводства, ввиду его несогласованности с общесудебным. Этому последнему посвящено около трети книги, но и тут приходилось возвращаться к вопросам судоустройства, по тесной их связи в современной обстановке суда.

Благодаря этой незаконченности «Очерков», отражающей тоже реальное явление жизни, все новое в законодательстве и теоретической разработке найдет себе в них соответствующее место для более углубленного теоретического объединения.

Введение

§ 1. Социальное и экономическое значение гражданского процесса

Небольшое место занимают в обширной области права процессуальные законы, но они составляют существенную часть законодательства. Вопросы процессуального устройства, судебной практики и техники, и особенно теоретическая разработка процесса, всегда привлекали внимание самых выдающихся юристов. В эпохи общественного и социального переустройства реформа процесса всеі да ставилась и ставится на очередь дня и глубоко захватывает все классы общества. Отдельные столкновения прав и интересов, конфликты общественных классов и слоев, страсть и ненависть, неясность и спор в стремительном водовороте сосредотачиваются вокруг судов и, пройдя через них, умиротворенные направляют хозяйственную жизнь и деятельность общества в определенное русло. Изменение политического, хозяйственного и экономического строя может изменить предмет споров, передвинуть их на новые пункты, но всегда остается потребность в процессе как средстве регулирования взаимодействия движущих материальную и духовную жизнь

сил.

Таким образом, социальное значение гражданского процесса вполне точно определяется его назначением обеспечивать юридический порядок и мирное взаимодействие общественных сил, т. е. важнейшую и существенную часть мира социального. Между фактическим состоянием хозяйственного организма государства и поставляемыми им задачами устанавливается гармония и соответствие.

Правильная организация гражданского процесса представляет фактор огромной экономической важности. Обеспеченность притязаний и организующих их прав представляет приращение их ценности не только со стороны частно-правовой, но и особенно публично-правовой. Скорое покрытие неисполняемых добровольно требований является предпосылкой правильно организованной системы государственного и местного кредита, гарантией здорового развития промышленности, кооперации и торговли. Незагруженное формальностями, скорое гражданское правосудие страны является главным залогом успеха в области международных торговых сношений. Гибкие процессуальные формы обеспечивают трудящиеся массы и слои общества в вопросах своевременной оплаты и удовлетворения их заработной платой. Для того, чтобы указанные стороны процессуальной защиты проявлялись с наибольшей силой, необходимо, чтобы формы процесса были самые простые приведенные в согласие со здравым смыслом и житейским опытом. Сложные фор-

мы процесса бьют мимо цели и преувеличенный формализм (гипертрофия процесса) представляют опасность не меньшую, чем самые ожесточенные споры и несогласия. Одним из средств достижения этой цели является привлечение к участию в процессе народных представителей. Со стороны их жизненного умения разобраться в фактической стороне судебных споров не может быть сомнения. С другой стороны, их присутствие заставляет постоянного судью, специалиста поступаться всеми излишними формальностями, если бы он оказался к ним склонным.

Скорость процесса уже давно признана необходимым свойством правильно организованного правосудия. Медленность в этой области является антисоциальным явлением. Сколько обеспеченных интересов и непререкаемых прав брошено на произвол судьбы из-за безнадёжности скоро провести процесс или из боязни получить позднее решение, зло худшее неправосудия. Таким же необходимым условием успеха процессуальных учреждений является дешевизна судебных и иных сборов. При дороговизне процесса судебная защита становится недоступной для большинства населения, и на этой почве легко может развиваться сутяжничество.

Наконец, гражданский процесс должен постоянно находиться в полном соответствии с ходом социальной эволюции и техническим прогрессом. Между тем до последнего времени, европейские процессуальные законодательства менее всего отражали на себе дух времени. Успехи способов

внешних и внутренних сношений не учитывались законами и, когда появились уже летательные аппараты, суды при сношениях со сторонами назначали сроки для явки, исходя из расчета по 50 верст в день, растягивая время на месяцы и годы, когда приходилось иметь дело с заграницей. Наш новый суд и процессуальный кодекс порвали с этой традицией «могущественных людей закона», как выражались в старину на Западе.

§ 2. Метод гражданского процесса

Научное понимание всякой системы гражданского права и процесса в их совокупности и взаимоотношении может идти двумя путями: единства (монизма) и отдельности (дуализма).

Дуализм выражается в том, что процесс и материальное право резко противопоставляются друг другу как по содержанию, так и по систематике своего материала. Первоначальная дифференциация процесса от права переходит в полное изолирование. Через всю область гражданского права как бы проводится горизонтальная черта: под нею в колоссальном многообразии жизненных явлений развертывается картина притязаний материального права; над ней высится процесс с одним, много двумя, тремя выходными путями, называемыми обыкновенным или особым порядком производства дел. Материальное право не успевает учитывать новых образований. Процесс костенеет в старых рамках. Процесс, таким образом, в противоположность материальному праву характеризуется однообразием как в целом, так и в отдельных формах проявления. Отсюда вытекает распространенное воззрение, будто материальное право можно изучать и исследовать во всем многообразии жизненных проявлений, нисколько не заботясь о том, в каких формах оно будет осуществлено. При системе дуализма наука гражданско-

го процесса исследует правовое отношение абстрактно с точки зрения его необходимого процессуального разрешения; наоборот, наука гражданского права разлагает свою систему на массу отдельных правоотношений и старается проследить каждое во всех сторонах его возможного развития. Для процесса все развитие правоотношения заключается в состязании, в юридическом споре, тогда как материальное право отмежевывает себе область мирного развития, вне всякого отношения и связи с процессом. Для процесса развитие юридического отношения имеет временный преходящий характер. Для него прошлые отношения – лишь исторический материал, который суд воскрешает властной рукою, чтобы перестроить его на новых основаниях. Материальное право интересуется развитием отношения во всех его сторонах как материалом для изложения понятия и всех его признаков. Тут действует диалектический метод, вскрывающий рядом с определенным понятием и возможность новых разветвлений и возможностей. Для процесса устанавливается навсегда как бы одно положение одна ситуация, одна диспозиция. Поэтому для науки процесса оказываются нужными другие приемы и совершенно отличный метод, чем в материальном праве.

Изложенный взгляд, несмотря на свою распространенность, является в корне ошибочным. Между материальным правом и процессуальным господствует в области защиты единство (монизм). Чтобы разрешить спор о субъективных

притязаниях двух лиц, суд должен действительно возвратиться к моменту возникновения между ними материальной правоотношения, но он делает это не произвольно и случайно, а восстанавливая малейшие подробности того момента в правоотношении, вокруг которого возгорается спор. Материальное отношение берется не отвлеченно, как оно излагается в законе, а как возникло, развивалось видоизменялось или прервалось в действительной жизни. Процессуальные средства – иск, документы, свидетели, эксперты – привлекаются судом исключительно для того, чтобы восстановить картину определенного момента в прошлом известного юридического отношения. Нет нужды, что во всех процессах употребляются одни и те же средства – свидетели, эксперты, документы. Добываемое с их помощью содержание особенное для каждого дела, для каждого момента. Это содержание всегда материально-правовое, вечно изменчивое, текущее, но всегда связанное с деятельностью заинтересованных лиц, сначала отыскивающих общий интерес, связанный общим делом и затем расходящихся по какому-либо его пункту. Поэтому чем менее однообразна и искусственна и чем более гибка будет форма процессуальной деятельности, восстанавливающей отношения, тем жизненнее будет эта работа.

Можно ли, однако, признавать какое-либо научное значение за такой работой и говорить о научном методе гражданского процесса, отличающем эту ветвь права от сопред-

дельных областей? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно провести аналогию с науками естественно-историческими. Если физиолог хочет изучить жизнь какого-нибудь растения, то он изучает жизнь его отдельных частей – корня, стебля, листьев. Затем, суммируя результаты наблюдения над проявлением жизненных процессов в каждой части растения, он дает картину жизни растения. Точно так же должен поступать судья. Он возвращается к основе отношения, рассматривает интересующее его ответвление, прослеживает его дальнейшую жизнь. Эта своего рода юридическая микротехника, рассечение юридического материала на отдельные моменты, чтобы затем дать решение по целому делу. В этом нет ничего искусственного, но в то же время заключается все научное значение особой техники гражданского процесса. Процесс прибавляет к материальному праву только одно – движение элементов этого права. Искусство суда состоит только в том, чтобы выбрать такие моменты, употребить такие процессуальные средства, чтобы получилась ясная живая картина. Если эта часть работы исполнена, то нахождение и приложение соответствующего закона есть дело технического опыта и выучки. Поэтому отдельные процессуальные институты изучаются и оцениваются не сами по себе, а в отношении к тому материалу, который суду приходится проводить и закрепить на пути к решению. Как ряд моментальных снимков может дать в результате картину движения, так отдельные фазисы процесса должны дать ясный ответ о

фактическом составе спорного правоотношения.

Поскольку не разрешена эта задача, невозможно правильное решение спора. Хозяйственный интерес сторон продолжает и во время процесса быть причиной изменений и вариаций разбираемого гражданско-правового отношения, заставляет как стороны, так и суд избирать тот или другой способ борьбы и доказывания. В этом отношении гражданско-правовое отношение резко отличается от уголовного, так как последнее в процессе уголовном никакому изменению не подлежит (инвариантно). Преступное деяние в общем и целом должно быть восстановлено и обсуждено на суде так именно, как оно произошло, а не так, как это соответствует интересам той или другой стороны.

Таким образом метод гражданского процесса совершенно своеобразный и очень близкий к методам естественно-позитивным.

§ 3. Наука гражданского процесса

Несмотря на то что процессуальные действия и обряды были колыбелью, где возросло и воспиталось материальное гражданское право, наука гражданского процесса развивалась очень поздно. Даже движение исторической школы захватило эту область права лишь частично, отвлекая внимание исследователей от жгучих вопросов современности к изучению обломков процессуальных порядков. Работам по процессу недоставало объединяющего центра исследования, широкой постановки вопроса в связи и на почве каких-нибудь объединяющих принципов.

Только в конце XIX века немецким ученым Оскаром Бюловым был найден и указан принцип *единства процесса*, как правоотношения длительного, завязывающегося между сторонами с одной стороны и судом с другой. На этой мысли явилось возможным представить процесс не как случайную совокупность отдельных действий, а единое целое, требующее для своего возникновения известных условий и для продолжения совершения сторонами известных действий. Отсюда возникло и укрепилось в науке учение о процессуальных предположениях, или условиях возникновения процессуального отношения.

Несколько более спорным представился вопрос о конструкции единства этого процессуального отношения. Воз-

никли вопросы о его природе и субъектах, суде и сторонах. Возникает ли это правоотношение между сторонами только и судом или одновременно захватывает то и другое? Самые права сторон из правоотношения оставались неопределенными, благодаря неопределенности самого правоотношения, о котором нельзя было сказать, слагается ли он из целого ряда правоотношений или представляет одно сложное явление.

Значение Бюловской теории в науке гражданского процесса исчерпывается установлением *формального объединения* подлежащего исследованию материала. Без этой предварительной работы невозможно было бы приступить к исследованию материальной стороны всех процессуальных действий. Отсюда то в науке процесса и господствует воззрение, что материальное содержание судебного разбирательства и решения дается наукой гражданского права, которая и устанавливает условия действительности юридических притязаний. Спрашивается, однако, не претерпевает ли материально-правовое отношение каких-либо изменений для того, чтобы стать осуществимым в исковом порядке? Каковы те требования, которые ставит процессуальный кодекс ко всякому правоотношению, прежде чем принять его под свою защиту?

Задачу объединения материального права с формальным блестяще выполнил уже к самому концу XIX века другой немецкий ученый *Вах*. Право на судебную защиту есть при-

тязание сторон, основанное на предписаниях объективного права и *обращенное к суду с требованием удовлетворить надобность в защите права* и притязание ответчика найти средство защиты против притязаний истца. Учение Ваха встретило довольно сильную оппозицию со стороны немецких ученых, теория абстрактного права на иск выросла из убеждения, что каждому притязанию материального права соответствует особое право требования к ответчику на исполнение, а по отношению к суду на решение; ответчик обязан вступить в возбужденный против него процесс, суд постановит свое решение. К этому *публицистическому* праву присоединили и право гражданское на особый иск из каждого гражданского правоотношения. Последовали возражения, что никакого публицистического права на иск не существует и что обращение к суду есть выражение лишь общей *правоспособности*, и теория стала колебаться. Правда, Вах скоро перестал говорить об абстрактном праве на судебную защиту, а стал рассматривать ее, как конкретное право, возникающее при заранее определенных условиях и в определенных случаях. В таком виде теория стала более приемлемой и на ее сторону, кроме процессуалистов, стали и видные цивилисты. Но наиболее поработал над этим учением берлинский профессор *Конрад Гельвиц* курс которого является в настоящее время последним словом науки гражданского процесса. Ваховское учение систематически проводится и применяется к разным сторонам процесса и указываются новые

точки зрения, благодаря которым выясняются остававшиеся темными вопросы процессуального права. Прежде всего изучению подлежит, с точки зрения Гельвига, самое существенное действие суда – *судебное решение*. Надо анализировать возможное содержание, затем перейти к рассмотрению самих условий судебного решения. Простая логика говорит, что ознакомиться с целью необходимо раньше, чем говорить о средствах, какими эта цель достигается. Право на судебное решение есть право требовать от государства гражданской защиты в форме определенного решения. Это есть право на иск, как одна из форм права на судебную защиту. Другими формами последнего является право на *принудительное исполнение* и право на *предварительные меры* содействия и обеспечения со стороны суда. Право на иск по природе своей всегда конкретно и тем отличается от предоставленного каждому гражданину права выступать на суде. Оно направлено на постановление определенного судебного решения и существует независимо и до начала всякого иска. Предъявление иска есть лишь осуществление этого права, которое возникает в условиях и обстановке материального права. Оно обращено к государству и этим отличается от того гражданского права, которое составит предмет судебного разбирательства. Вместе с тем это право на иск направлено только к государству, тогда как гражданское право, подлежащее защите, направлено и против ответчика. Публицистический характер рассматриваемого права благодаря неопреде-

ленности конструкций публичного права остается таким же и для гражданского процесса.

Рядом с правом на иск на стороне истца, существует такое же право ответчика на защиту, но последнее представляется возникающим не самостоятельно, а как бы рефлексивно из прав истца. Если последний не имеет этого права, ответчик должен быть освобожден. Но тут основанием является не отсутствие права на иск у истца, а положение, согласно которому всякий имеет право требовать, чтобы его не лишали имущественных благ без соблюдения известных требований закона.

Теория права на судебное решение привела к созданию понятия предположений права на иск (Klagevoraussetzungen) и к резкому их различению от процессуальных предположений. Без этих последних невозможно возникновение процессуального отношения, которое приведет к судебному решению. Чтобы решение было благоприятным для истца, нужно чтобы у него существовало действительное право на иск. Процессуальные отношения могут возникать и при отсутствии такого права, исключительно благодаря соблюдению формальных условий. Следовательно, иск должен еще соответствовать известным предположениям на этот иск. Процессуальное право должно позаимствовать *эти условия у материального права*, а отчасти установить их само.

Сообразно этому и условия делятся на материальные и процессуальные; на основании материального права решает-

ся вопрос о существовании того юридического отношения, которое составляет предмет спора. Здесь ответ черпается непосредственно из определений гражданского права. Для осуществления права на иск этого мало. Необходимо соблюсти ряд условий, устанавливаемых процессуальным правом. Сюда относится прежде всего способность лица участвовать в процессе (*Parteifähigkeit*). Конечно, эта правоспособность составляет часть общей правоспособности, но по отношению к отдельным практическим случаям может часто случиться, что у субъекта, обладающего полной правоспособностью, недостает процессуальной и тогда невозможно постановления судебного решения.

Следующим условием права на иск является допущение *для данного права* судебной защиты и подсудность этого *отношения* отечественному суду. Наконец, требуется наличность права вести процессы и *основания, т. е. интерес такой защиты*. Право вести процесс должно быть налицо у обеих сторон. Иногда это право может принадлежать другому лицу, помимо истца. То же самое следует иметь в виду и относительно ответчика – его пассивная легитимация и право ведения процесса могут не совпадать.

Право ведения процесса можно сблизить с процессуальной дееспособностью, от которой, однако, оно отличается так же, как общая дееспособность от права управления. Дееспособность есть свойство абстрактное, право вести процесс всегда конкретно по отношению к определенному пра-

ву. Нужно еще принять во внимание так называемое полномочие к ведению процесса. Это бывает в тех случаях, когда закон предписывает ведение процесса тому лицу, которое не имеет на это права, но могло бы его иметь в данном процессе. Сюда относятся случаи добросовестного заблуждения ответчика или согласие действительно управомоченного лица.

Различие процессуальных предположений и предположений права на иск особенно сказывается во влиянии отсутствия тех или других на самое производство. Отсутствие процессуальных предположений приводит к тому, что процессуальное отношение даже не возникает. Только устранив недостатки, истец может начать вновь процесс. При наличии процессуальных предположений отношение возникает *и приводит к судебному решению*. Но характер этого решения зависит от наличия предположений права на иск. При наличии материальных и процессуальных предположений суд постановляет решение в пользу истца, при отсутствии материальных условий следует отказ в иске, при отсутствии процессуальных предположений суд постановляет об отсутствии права на иск. Не будучи решением по существу, такое определение делается все-таки в пользу ответчика. Истец может просить нового решения только, в том случае, если отпадает недостающее процессуальное предположение (лицо станет правоспособным для известного юридического правоотношения). Различны также и моменты, когда требуется наличие тех и других предположений. Для

процессуальных – таким моментом является начало процесса. Для вторых – постановление решения. Это вполне естественно, что первые должны быть исследованы раньше вторых, которые оцениваются в течение самого процесса.

II. Предыдущее изложение характеризует только одну сторону в разработке процессуальной науки. Однако на ряду с ней шла непрерывная работа над выяснением чрезвычайно важных, можно сказать кардинальных сторон процесса; его государственно-правовой роли и политического призвания. Уже при самом своем появлении теория «процесса, как правоотношения» встретила скептическую оценку со стороны одного из последних пандектистов Э.К. Беккера, указывавшего, что в мелочах технической работы (в микроскопии и микрологии) процессуалистика утратит живую связь с прошлым процесса и постоянно возникающими вновь потребителями современности, затем Антон Менгер в своем учении о государстве подошел к суду с этой стороны и в духе социалистического мировоззрения осветил роль процесса в строе государственных учреждений.

Наконец, исторический ход событий, изменивший строй общественного и политического уклада, дал возможность подойти к вопросам на основе нового материала. С падением прежнего строя и установлением нового государственного управления, очень многие вопросы, осложнявшие изучение процессуального права, совершенно отпали или в значительной мере утратили свою остроту. К числу таких вопросов от-

носится положение судебной власти в общем распределении функций государственной власти. Если и прежде принцип независимости суда от власти исполнительной и независимости судей скорее постулировался, чем фактически проводился на практике, и был в своем объеме постоянным предметом тайных посягательств и открытых нарушений, то защита его в настоящих условиях и теоретически и практически была бы анахронизмом.

Современный суд и современный судья не могут по существу стоять вне партий и классов. Как в буржуазном обществе, так и в государстве трудящихся суд является проводником определенного общественного порядка определенной хозяйственной структуры. Это есть учреждение, следящее лишь особым ему свойственным способом о вращении тех прививок и усвоении обществом тех начал, которые проводит государство в современное ему общество. Государство открыто, а не скрыто, стало аппаратом господства одного класса над другим. Власть в пределах СССР потому и называется рабоче-крестьянской, что ставит своей задачей обеспечение интересов этих классов населения. Народ солидарен с правительством потому, что оно есть его правительство, плоть от плоти его. При таких условиях успех правительственной политики и проводимых им мероприятий был бы поставлен под вопрос, если бы оно не имело в лице суда и всего судебного персонала проводника государственного классового самосознания. По мере того как последнее выяв-

ляется и кристаллизуется в форме определенного законодательства, подзаконный характер судебной деятельности выступает отчетливее, но он не выходит из рамок классовых задач, так как и законодательство служит тем же задачам. По мере осложнения политики внутренних и внешних отношений к неизжитому еще классу капиталистов первоначальное отрицательное отношение может сменяться разными способами привлечения и допущения к судебной защите и их интересов.

Но эта защита, проводившаяся через те же судебные учреждения, осложняется тем, что задача суда, кроме технических особенностей работы, осложняется проведением через суд особых заданий социальной политики.

§ 4. Характер процессуальных правил и их отношение к публичному и частному праву

Согласно учению германской школы, процессуальные правила суть законы общественного порядка. Правила процесса представляют гарантии против произвольных действий чиновников и входят в состав публичного права. Но по своему предмету гражданский процесс принадлежит частному лицу, которое может, по своему усмотрению, вести или прекратить его, но правила, по которым кто-либо проводит свой процесс, не устанавливаются им, а их определяет государство. Так создается отношение между сторонами и судом, теоретически обоснованное в теории Бюлова и Ваха. Французская школа учит, что только правила судебной организации относятся к публичному праву, но законы процесса, регулирующие ход и постановку процесса, относятся к частному праву.

Истинное решение может быть получено только из сочетания воззрений. Не только организация судов, но и ход процесса носят характер публичного права, но интересы частных лиц, защищаемые этим путем, бесспорно частного характера. Контroversa об истинном характере процессуальных законов практически приводит к тому, что при герман-

ском воззрении, руководство, процессом передаются судье; при французском воззрении – направление дела в руках сторон. К германскому направлению можно присоединить и оригинальное доверие юстиции единоличному судье в Англии.

Процессуальный принцип состязательности или, выражаясь более общей формулой, господства сторон и их воли в организации процесса обычно выводился из господствующего в гражданском праве признания за сторонами права распоряжения своими полномочиями в гражданском правоотношении. Работы Клейна и Нейкампа разрушили эту связь. Проблема ставится теперь под другим углом зрения. Благо-разумно ли политически предоставлять судебной власти государства столь огромное влияние на развитие гражданского процесса? Не противопоказано ли делать таким образом судью формально ответственным за исход процесса? Видный противник такой постановки Шмидт считает, что расширение власти судьи несогласно с идеей новейшего государства, построенного на началах политической свободы. Идеал общественного состояния, обозначаемый как равенство и свобода граждан в государстве, осуществляется не только внешним положением в государственной жизни. Он покоится на определенном психическом настроении, на состоянии сознания покоя и мира. Однако такое сознание, как раз окажется значительно поколебленным предоставлением юстиции безграничного и свободного усмотрения. Власть судейского де-

ателя в собственных глазах ее носителей так возросла бы, что ослабилось бы чувство долга и сознание ответственности всего судебного класса. Народ недоверчиво и без благосклонности взирал бы на такое господство усмотрения. Стороны и другие граждане настраивались бы к критике, недовольству и недоверию. Известный блок принудительных процессуальных норм необходим, чтобы создать удовлетворительное отношение между органами юстиции и ищущей правосудия публикой. Принуждение к подчинению предписаниям закона поддерживает в судье мысль о своей публичной ответственности. С другой стороны, видя на опыте, что судьи действуют на основании твердых правил на путях права, граждане укрепляются в доверии к судам, их беспартийности, деловитости, добросовестности. Таким образом формальное процессуальное право сохраняет свое значение для *умонастроения* участвующих в отправлении правосудия людей как ищущих его, так и творящих его. В народных судах порукой его является самый способ организации и оказывает воспитательное влияние на личные отношения и взаимное настроение участников. Законодатель, конечно, склонен в таких судах ослаблять формальные правила процесса. В противоположность им обособленные от народа суды профессиональных судей нуждаются в более усиленном проведении формальных гарантий юстиций. Где функционируют последние, опасность отчуждения между сторонами и судом, равнодушия судей нерасположения к ищущим суда гораздо

сильнее, и законодатель должен тем внимательнее регулировать движение процесса, чем более он строит свою юстицию на деятельности обученных праву профессиональных судей. По Шмидту, вполне здоровым является главный принцип Германского процессуального кодекса, который в большей степени, чем австрийский, связывает суд в его деятельности твердыми юридическими нормами и разделяет формальную ответственность за исход процесса между судьей и сторонами, между судом и адвокатурой. Шмидт предостерегал по поводу реформы 1909 года немецкого законодателя против принципиального преобразования немецкого процессуального права по австрийскому образцу.

Против Шмидта и за принципы австрийской школы высказалось большинство процессуалистов. Бесспорно, и еще раньше Шмидта Монтескье было указано, что идеал общественного состояния, обозначаемый как свобода и равенство граждан, покоится на определенном настроении удовлетворенности граждан. Достигается ли, однако, он системой связанности профессиональных судей? Для общества механизм гражданского процесса всегда представляется чем-то темным и чуждым. Общественное мнение оценивает и обсуждает применение процесса не по мерке правильного применения процессуальных форм, но всегда по степени материальной устойчивости судебных решений. Материальная несправедливость судебных решений в общем и целом всегда вызовет в народе известное возбуждение. Ни основание

судоустройства на принципе народных судов, ни связанность судебной деятельности твердыми нормами права не играют существенной роли при общественной оценке их деятельности. Общественное мнение всегда судит по результату процесса, по соответствию этих результатов своим идеалам и желаниям, и не заботится о средствах, которыми добыт этот успех. *Формально* можно переложить ответственность за успех процесса с плеч судьи на плечи сторон, но в действительности народ привлекает к ответу за материальную правильность решения всегда *судью*. Проигравший процесс адвокат по понятным психологическим причинам тоже почти никогда не согласится приписать свою неудачу своей неловкости в ведении дела, а всегда будет приписывать ее недостаточной поддержке и вниманию со стороны суда.

Нужны какие-то другие меры. И среди этих мер выдвигают главным образом, надлежащий выбор судебного персонала. Для буржуазных государств это будет принятие соответствующих государственно правовых гарантий, поддержания судебного сословия на высоте служения (высокое вознаграждение, забота об образовании и дальнейшем развитии, обеспечение судейской независимости, хорошая организация процесса надзора и дисциплинарного производства).

При этих условиях система австрийская, по общему мнению процессуалистов, представляет большие гарантии за материальную добротность судейских решений, за более тщательное и основательное разыскание материальной правды и

тем сильнее содействует победе и торжеству правды.

В частном праве совершенно определенно вырисовывается тенденция предоставить усмотрению судьи более простора; было бы противоречием связывать судью в области подчиненной, служебной, какой является область процессуального права. Однако нельзя всего представить судье. Законодатель должен установить гарантии и указать путь, который обещает дать хороший результат и при менее опытном суде, и при более трудно сложившемся случае.

Усиление чувства долга и ответственность у судей путем строго формального процесса вызывает также сомнение. Переход за меру безусловно необходимой связанности судьи, наоборот, может повести к ослаблению судейского чувства ответственности. Совестьливый и справедливый судья будет затруднен, а ленивый и равнодушный будет прятаться за закон. Только в эпохи неразвитой общественной морали строго формальное процессуальное право может служить для *воспитания* судебного сословия. Ныне «судебное усмотрение» обозначает не произвол, а *обязанность* постановить соответствующие случаю решения. Психологически расширения границ справедливой оценки как долга судьи, должно сделать в нем чувство ответственности более живым и побуждать его еще сильнее к исполнению обязанности. Идея свободы в полемике против расширения судейской власти звучит отголоском индивидуализма. Последний перешел свой кульминационный пункт. Перед со-

временным, обществом и новым государством стоят другие идеалы и новые духовные течения волнуют умы. Настал час классовой социальной политики. Новейший законодатель в области процесса, понимает процесс не как борьбу за право сторон перед лицом судьи, действовать самостоятельно, судья уже более не беспартийный свидетель, но орган государственного учреждения благоустройства, существующего, с одной стороны, для равномерной помощи всем бедным и богатым, слабым и сильным, обстоятельными и несостоятельными, а с другой – для достижения политических целей, поставляемых современным государством при переустройстве общества на новых началах.

§ 5. Формальный характер процессуальных правил

Изучение отправления правосудия и организации учреждений, в которых оно совершается, имеет громадную важность, так как с помощью этих учреждений государство осуществляет важнейшую из своих функций: водворение порядка и мира в гражданском обществе. Первоначально эта функция не принадлежала даже государству, и избрание судей было частным делом. В настоящее время государство приняло на себя обязанность охраны порядка, а потому оно воспрещает частным лицам самим организовывать суд и предоставляет им для защиты гражданских прав свои суды и свою вооруженную силу. Чтобы подобное устройство было хорошим, необходимо основать его не на произвольных правилах, а на непререкаемых принципах, нашедших всеобщее признание. Правосудие должно быть беспристрастным, легко доступным, простым, быстрым и недорогим. Отсутствие этих качеств предоставляло бы одну из форм неправоудия, порождало бы необеспеченность социальных отношений. Наряду с учреждением судов государство должно определить формы разбора и решения процесса, формы судебных актов и моменты их совершения. Привлекательно, конечно, упростить суд и освободить его от форм, но эта выгода не искупается той опасностью, которая грози-

ла бы неожиданностями при бесформенном производстве. Формы и сроки представляют для привлекаемого к суду такие гарантии, которые позволяют ознакомиться с начатым против него процессом, дают время подготовиться к защите. Для судьи они являются руководством для отыскания истины среди разгара страстей спорящих сторон. Знаменитый юрист Иеринг называет формы «школою порядка и дисциплины» и «врагом произвола».

Однако необходимость точных форм и достаточных сроков не должна быть преувеличиваема, так как иначе злоупотребление формализмом может привести к необеспеченности интересов и медленности производства.

Ввиду изложенного значения форм необходимо требовать строгого их соблюдения, так чтобы нарушение их влекло потерю права. Нельзя, конечно, признавать устаревшего правила о преобладании формы над основанием, но и основание иногда может при несоблюдении необходимых гарантий формы стать призрачным. С таким же господством формы в ущерб содержанию мы встречаемся в области гражданского права, где, например, завещание, вексель и другие акты требуют строгого соблюдения формы, под страхом ничтожности самого акта. Форма в таких случаях содействует установлению права; несоблюдение ее оставляет право лишь в области предположений. В процессе, где право окончательно реализуется, форма есть способ этой реализации. Поэтому гражданское право называют правом материальным в противо-

положность процессуальному, за которым установилось название формального. Материальное гражданское право рассматривает права, принадлежащие лицу, их возникновение, содержание, потерю и прекращение, словом все, что относится к праву как к «материи». В противоположность этому процессуальное право как система предписаний закона сосредоточивается на установлении форм, которые необходимо соблюдать при проведении прав к осуществлению через суд.

Однако эти две области частного права нельзя резко отделить одна от другой, как указывают вышеприведенные примеры, когда и материальное право устанавливает формальные правила для совершения актов и сделок. Разделение норм формального порядка от материально-правовых составляет сверх того результат сложившегося исторически взаимоотношения обеих систем. Формы процесса предписываются законодателем, чтобы избежать произвола и облегчить раскрытие истины. Таким образом, процесс в настоящее время является санкцией права. Сначала в гражданских кодексах устанавливаются и признаются с теми или иными ограничениями за гражданами защищаемые права и интересы, затем эти права становятся предметом защиты. Потом уже путем аналогического толкования расширяется область прав, но как законодательство, так и теория исходят сначала из права, чтобы прийти затем к процессу.

Ход исторического развития этого взаимоотношения был

обратным. Право зарождалось в спорах и процессах. От них много позднее перешли постепенно к выработке права, путем последовательных усилий юристов, направленных на отделение права от средств процесса. Правоведение долго состояло в умении изобретать новые и новые средства, чтобы действовать на суде, и процесс господствовал над образованием материального права. Наоборот, теперь всякий, зная, что те или другие интересы и права признаны в материальном праве, непосредственно и прямо обращается к суду с требованием защиты, а не ищет, существует ли специальное разрешение выступать на суде в данном именно случае. Правильно говорит Иеринг, что право ныне осуществляет свое воздействие динамическим путем, тогда как на первых стадиях развития в своей юности оно действовало более механически, т. е. путем видимых приспособлений и операций, в которых оно только и проявлялось.

Дальнейшее развитие процесса состояло в уменьшении многосложного состава формальностей, сведения их к наименьшему числу, в отказе от принципов формальности. Зато задачи процесса значительно осложнились благодаря свободе участников гражданского оборота придать своим отношениям любую форму и перенесению оснований прав и обязанностей в область свободных изъявлений воли. Вследствие усилившегося и даже преимущественно значения воли, установление которой по содержанию и границам представляется крайне затруднительным, в современном процессе воз-

никли бесчисленные осложнения при установлении юридически существенных (в смысле способности производить последствия) фактических составов, число же норм и бланкетных предписаний закона материально все еще очень ограничено.

В свою очередь, формальные предписания и нормы, отделившись от материального права, стали объединяться и развиваться и на этом пути достигли высокого технического совершенства. Новые процессуальные кодексы – германский и австрийский совершают сейчас победное шествие по Европе. На наших глазах, Франция, страна-победительница, в возвращенной области Эльзас-Лотарингии сохраняет большую часть Германского процессуального кодекса. Превосходство этого кодекса заставляет Францию заняться вопросом о пересмотре всего своего процессуального законодательства.

Отдел первый

Гражданское судопроизводство

§ 6. Основные понятия

Гражданское судопроизводство есть совокупность установленных правом действий, имеющих целью защиту гражданских прав при помощи предназначенного для этого государством суда и учреждений. Совокупность юридических норм (кодекса и декретов), заключающих постановления гражданского процесса, на основании которых должен вестись процесс, составляет гражданское процессуальное право.

Гражданский процесс является развивающимся производством (*processus* – движение) и одновременно совокупностью юридических отношений. Как производство, он состоит из ряда последовательно совершаемых сторонами и судом действий в целях защиты нарушенного права или предотвращения такого нарушения. Как юридическое отношение между сторонами и судом, процессуальное отношение отличается двойственностью – оно публичного и частноправового характера. Отношение суда как органа государственного управления к сторонам и предмету спора, равно как от-

ношение сторон к суду есть публично-правовое отношение со всеми свойствами принудительности и неизменяемости по усмотрению сторон. Так, например, нельзя вести чужие гражданские дела, за немногими исключениями, не будучи членом коллегии заступников и суд, несмотря на наличие доверенности у такого лица и, следовательно, вопреки желанию доверителя иметь данное лицо своим поверенным, и несмотря на отсутствие возражений со стороны противника, обязан не допустить это лицо к ведению дела. Судебное представительство регулируется особенно строго и находится под надзором государства и его местных органов.

Наоборот, отношения сторон между собой и к предмету процесса сохраняют частноправовой характер. Стороны могут по взаимному соглашению приостановить и совсем прекратить начатый ими судебный спор; сторона может во всяком положении дела изменить основание иска, увеличить или уменьшить свои исковые требования, равно как отказаться от принадлежащих ей прав и судебной их защиты, (причем такой отказ лишает ее права обратиться с иском, основанным на тех же требованиях), ст. 2 Гражданского процессуального кодекса. Равно стороны свободны в выборе и пользовании доказательствами своих требований и возражений.

Процессуальные отношения возникают из волеизъявлений. Этот характер настолько им свойствен, что самый процесс можно назвать рядом действий, а ведение процесса со-

стоит в совершении процессуальных действий. Рядом с ними стоят факты внешние, имеющие тоже процессуальные последствия, но не зависящие от воли сторон, события, как например, смерть стороны, потеря процессуальной способности и т. п.

Процессуальные действия исходят от участников процесса, сторон или суда. К первым относятся действия сторон, их заступников; ко вторым – действия суда, канцелярии, исполнителей судебных решений. С этой точки зрения деятельность свидетелей и сведущих людей, носит смешанный характер и зависит и от суда, и от сторон.

Процессуальные действия, рассматриваемые с точки зрения цели процесса, можно объединить и разделить на три группы: 1) производство о праве на иск и обязанности ответа (*Допустимость производства*); 2) производство о действительности притязания на судебную защиту (*производство – решение спора*); 3) производство об осуществлении судебного решения (*исполнение*).

Допустимость процесса по заявленному притязанию составляет предмет отдельного производства. Ставится вопрос, возможен ли процесс между данным истцом и ответчиком, пред данным судом, по поводу данного предмета. Это подготовительное производство.

Процесс в тесном смысле состоит в рассмотрении дела и постановлении решения по поводу поднятого спора. Это главное производство. Оно юридически возможно при

утвердительном решении о допустимости процесса. Процесс начинается не с момента подачи иска, а с самого рассмотрения дела и складывается из представления требований сторон, обоснования этих требований, доказательств.

Исполнительное производство может быть в связи с главным производством, следуя по времени за ним, или идя рядом с ним, может явиться продолжением его или же лишь при условии особого ходатайства стороны и, таким образом, может развиваться в самостоятельный процесс.

Различие в предмете процесса – защита интересов публичных или интересов частных – обуславливает различие и в характере уголовного и гражданского судопроизводства. В производстве гражданском преобладает частный интерес. Процесс возникает и развивается только по желанию и по инициативе заинтересованного лица, которое возбуждая процесс может всегда приостановить его, если только признает это нужным. Суд является в роли посредника между спорящими сторонами. В процессе уголовном на всем лежит печать общественного интереса. Уголовное преследование начинается по почину представителей государственной власти, кроме немногих случаев, когда уголовные дела могут быть возбуждаемы вследствие, жалобы потерпевшего, и не может быть, за немногими исключениями прекращено по воле потерпевшего лица. Специальность каждого гражданского процесса не имеет никакой аналогии в однообразии процессуальных форм уголовного процесса.

§ 7. Основные начала судопроизводства

1. Значение основных начал. Серьезность целей процесса вызывает стремление законодателя регламентировать не только внутренний строй и порядок судов, но и порядок производства дел. Под порядком производства дел разумею общий характер судопроизводственной деятельности, как ее очертил законодатель, те основные начала, которые заложены им в нормы этого процесса, его действующие органы и предмет, поскольку они подчеркивают характер судопроизводства, а также и доказательства – вехи современного процесса, расставленные законодателем по пути к его конечной цели.

Порядок производства дел в указанной обрисовке имеет универсальное значение для процесса в широком смысле слова: он служит как бы рельсами, по которым, несмотря на постоянные толчки и остановки, плавно и стройно движется машина правосудия к умиротворению борющихся частных энергий и государственных сил; он является залогом мудрого разрешения споров и основой мирного преуспевания народа. Каковы бы ни были колебания хозяйственной жизни и случайности политической обстановки, если рельсы крепки и проложены верно, движение будет совершаться безостановочно, и самая перспектива спорности для каждого права

и правоотношения будет представляться нормальной на путях урегулированного правопорядка. Горе тяжущимся, если рельсы правосудия проложены скверно, если шпалы под ними гнилые, если дорога кривая. Тогда процесс ведет не в обещанный! Край примирения, не к решению споров, а к новому злу, злу, может быть, горшему, чем «спор о праве гражданском». Поэтому практический юрист должен, подходя к вопросу о порядке производства дел, особенно проникнуться, перечувствовать и освоить основные начала и принципы процесса. Они должны остаться начертанными на его знамени до конца и предохранить от соблазнов личного пристрастия. Человечество выстрадало и выносило их из своей истории. Законодатель воплотил их в процессе.

2. Начало состязательности о официальности. В основе как гражданского, так и уголовного процесса могут лежать, два начала— следственное и состязательное. Первое начало, как известно из истории процесса, связано с наиболее тяжелыми страницами правовой жизни человечества. Рожденное пороками католического духовенства в недрах карательной деятельности церкви, взрощенное средневековой инквизицией, это начало получило пальму первенства в период полицейской опеки государства над гражданином и из области уголовного права проникло в область гражданского права, дотоле безгласно сторонившегося давления на личность, подчинения частного права чуждым критериям. Следственное начало принесло гражданскому процессу до-

нос и розыск, не гнушавшийся средствами в достижении, так называвшейся материальной истины, а вместе с ними тайну производства, волокиту, арифметическую расценку доказательств, нескончаемую письменность и прочие неправо-вые элементы розыскного производства дел. Следственный порядок производства в таком сопровождении естественно явился крупным тормозом процесса, тяжким испытанием для гражданского суда.

Начало состязательное, сменившее следственный порядок, в противоположность этому последнему, основано на признании прав человека, прав тяжущейся стороны. Исходя из того положения, что стороны сами знают свои интересы, что частное право подлежит бесконтрольному усмотрению субъекта его, и что только сам тяжущийся вполне хорошо знает и понимает сущность своих требований и возражений, состязательный порядок предоставляет истцу и ответчику как инициативу возбуждения спорных вопросов, так и доставление материалов для решения их. Состязательное начало, чуждое стремлений к полицейской опеке над личностью, не искушает суд требованиям достижения материальной истины; наоборот, оно ставит гражданского судью в положение почти пассивного, наблюдателя происходящего пред ним состязания сторон, призванного сказать свое веское слово лишь в результате состязания и лишь по тем данным, которые развернули пред ним тяжущиеся. Но так как слово судьи должно быть беспристрастным и справедливым,

то состязательное начало стремится, по возможности, обеспечить и полноту выяснения спора, и достоверность приводимых доказательств, и внимательность судейского состава; с этими целями при состязательном начале, в дополнение к нему вводится начало непосредственности, в свою очередь, связанное с принципом устности процесса, и началом гласности.

Состязательное начало, ныне казалось, вытеснило следственный порядок из гражданского процесса, так как оно безусловно гармонирует с общим характером права гражданского, с основными свойствами частных прав вообще. Частные права всецело зависят от воли управомоченного лица. Субъект частного права волен в пределах признанной системы отношений осуществлять или отказаться от него по своему усмотрению. Правда, существует мнение, что институт исковой давности есть как бы наказание за использование частным правом, но это мнение, во-первых, не поддастся убедительному обоснованию, а во-вторых, встречает противовес в ином более обоснованном мнении, полагающем сущность института давности в потребностях правопорядка.

Следственное начало казалось противным духу гражданского права, так как налагало на суд обязанность *ex officio* принимать все меры к выяснению спорного отношения, хотя бы это выяснение не согласовалось с интересами сторон, а состязательный порядок, не покушающийся на самостоятельность сторон, не стремящийся ограничить усмотрения

управомоченных субъектов в распоряжении частными правами, как будто не только не противоречит духу гражданского права, но и вполне соответствует ему.

На фоне этого исторического движения выросло особое учение о задачах процесса. Согласно этому учению, цель процесса в достижении не *материальной*, а *формальной* правды на суде; суд не собирает ни доказательств, ни вмешивается в область частых интересов. Это ходячее учение, оказавшее большое влияние на законодательство всех стран, однако, за последнее время, теряет свой вес и уступает более современной доктрине.

Согласно последней сущность гражданского процесса, конечно, заключается в «споре о праве гражданском». Законодатель, устанавливая нормы процессуального права, должен допускать, что обе стороны добросовестно заблуждаются в своем праве; и он должен помочь решить – кто прав, кто неправ.

Все правила судопроизводства должны согласоваться с этим типом процесса, где ни одна сторона ничего не желает скрыть ни от суда, ни от противника, что имеется для выяснения *материальной* истины. Тяжущиеся ищут от суда *правильного* судебного решения, т. е. такого, которое действительно восстанавливает нарушенное право. Суд как орган власти должен раскрыть *материальную* истину. Для этого он должен сам всемерно и активно служить делу правосудия.

Начало состязательности в чистом виде при такой постановке задач суда иногда может повести к недостаточному рассмотрению спорного дела и к неудовлетворяющему тяжущихся решению его. Предоставляя сторонам ведение процесса, в смысле выяснения требований и доставления процессуального материала и сводя роль суда к пассивному наблюдению, состязательное начало упустило из виду, что иногда управомоченный субъект обращается в суд именно в силу своего неумения или отсутствия у него возможности разобраться в спорном правоотношении. Мало того, бывают случаи, когда предоставление сторонам процессуальной активности звучит для них горькой иронией, ибо они ничего не понимают в неожиданно создавшемся правоотношении, ибо они сами не знают, что принадлежит им, а что не им, и губят свое несомненное субъективное право в силу незнания права объективного. Это особенно тяжело отражается на торговых отношениях, где часто капитал рискует в надежде, на неизвестное в начале дело и даже не могущее быть предвидимым соотношение будущих явлений. В области общего права нередки правоотношения, создавшиеся в силу новых комбинаций независимых от управомоченного сил. Финансисты, например, в последнее время много говорят о так называемом незаслуженном приросте ценности, наблюдаемом в больших городах и растущем в силу самых разнообразных фактов, но не в силу особых заслуг или трудов собственников. С гражданско-правовой точки зрения это новое явление

ние представляет некоторые трудности в нормировке и легко может породить спорные отношения, которые большею частью, явятся совершенно непонятными для непривыкшего к быстрым изменениям понятий обывателя. И если такое дело будет перенесено в суд, стороны ничего не сумеют выяснить, а пассивный судья ограничился бы заведомо недостаточным решением.

В последнее время на Западе все чаще и чаще слышались нарекания на суд, который остается пассивным наблюдателем состязания сторон. Тяжущийся не может понять скрытый от его взора «разум правопорядка», ему нужна заботливая помощь судьи, вдумчивое и самостоятельное, исследование им дела и правильное решение. Далеко не всякий идет в суд, чтобы выиграть дело, большинство обращается к судье за разумным словом, за надлежащим указанием, что он может и чего не может. Часто встречаются и так называемые пробные дел. Это, обыкновенно, принципиальное дело незначительной денежной ценности, которое идет в суд специально для установления нового понятия или новой нормы, так как жизнь породила правоотношение, не поддающееся нормировке с точки зрения действующего права. Авторитетное слово, тем не менее, необходимо, так как за этим делом стоит много заинтересованных субъектов. Если такое дело сразу получит надлежащее решение, многие спорные правоотношения будут урегулированы мирным путем без обращения к суду; если же суд, в силу ошибок сторон и своего

пассивного отношения, не даст спору правильного решения, за «пробным делом» последует второе, третье и т. д. ибо всякий будет надеяться на иное решение. В таких случаях пассивная роль суда решительно вредна для правопорядка., а мысль юриста прямо обращается к хорошим сторонам начала следственного. Начало следственное, исходившее из опеки над личностью гражданина, конечно, никем не воскрешается, но выработанные при нем способы выяснения истины судом крайне полезны. Выяснение «материальной истины» ex officio должно при этом превратиться в активную помощь суда сторонам в доставлении и разработке доказательственного материала, в определении требований и взаимоотношений их пред законодателем, выступает такая задача: *принимая во внимание свойства частного права, найти путь для более успешного разрешения спора сторон о его существовании.* С этой точки зрения состязательное начало приводится в процессе потому, что управомоченный исключительно заинтересован в подтверждении существования своего права, а потому, с одной стороны, никто другой, а в том числе и суд не имеет права принимать мер к выяснению правильности его притязаний, а с другой – никто не будет так энергично, как он, подтверждать свои притязания, которые <ш> считает согласными с правом. Против этих соображений могут быть выставлены другие соображения, а именно *когда ведется процесс, то суд имеет перед собой не права, а лишь утверждение истца о существовании права.* Поэтому не мо-

жет быть и речи о том, что суд не имеет права принимать мер к выяснению дела. Напротив, имея перед собой факт утверждения стороною о существовании права, он должен принимать меры к тому, чтобы выяснить, насколько этот факт соответствует праву. Предоставить же выяснение этого самим тяжущимся невозможно ввиду того, что решение в этом случае будет зависеть не от правильности заявлений той или другой сторон, а от того, насколько та или другая сторона обладает большим искусством в ведении процесса. Такова точка зрения, на которой покоится принцип следственного порядка производства в гражданском процессе.

Отсюда видно, что для более успешного выяснения дела оба принципа (пассивность и активность положения суда) должны известным образом сочетаться. При этом вопрос о том, в какой мере должно быть проведено то или другое начало, есть вопрос, который решается по соображениям законодательной политики.

Современные законодательства все больше и больше склоняются к необходимости сочетания двух указанных начал – состязательного и следственного. Это особенно сильно сказалось на австрийском уставе гражданского судопроизводства 1895 года, который предоставляет суду право активного разьяснения дела как посредством требования от сторон личной явки, доставления документов и подтверждения сомнительных моментов дела, так и посредством самостоятельного допроса свидетелей, коль скоро суд недостаточ-

но выяснил спор по материалам, доставленным сторонами. Аналогичное движение обнаружилось в новейших процессуальных законах: германском законе 1 июня 1909 года о производстве у участковых судей; русский закон о мировом суде 15 июня 1912 г., отразившийся и на производстве в общих судах. Но все эти попытки до сих пор не слились еще на «Западе в одну стройную систему процесса. Только законодательство *классового* государства С.С.С.Р., объединив точки зрения материального и процессуального права, дало определенную формулу».

В классовом обществе «свободно» борются только классы, отдельная же личность в своей хозяйственной деятельности всецело связана условиями классовой принадлежности. Поэтому ни принцип личной свободы и ни начало состязательности целиком неприемлемы для суда классового гражданского процесса кодекс в ст. 5 так определяет функцию суда. «Суд обязан всемерно стремиться к уяснению действительных взаимоотношений тяжущихся и, не ограничиваясь представленными объяснениями и материалами, должен посредством предложенных сторонам вопросов способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред. При этом суд разъ-

ясняет обращающимся к нему сторонам их процессуальные права и необходимые формальности, предупреждая о последствиях, связанных с процессуальными действиями или упущением их».

Эта статья является основной статьей действующего гражданского процесса. Она определяет роль судьи в гражданском процессе. Судья отыскивает действительную материальную правду. Как бы отношения сторон ни были запутаны рядом противоречивых доказательств, осложнены обилием привходящих материалов суд обязан во что бы то ни стало раскрыть действительные отношения и не ограничиваться теми доказательствами, которые уже имеются в деле. Даже акт, признаваемый бесспорным, не обеспечит иска, если сторона указывает, что он фиктивный так, как суд обязан убедиться в основательности этого довода и выяснить все условия его выдачи. Для суда в этом отношении не существует никаких формальных препятствий. Суд должен так поступать не только по указанию сторон, но и по своей собственной инициативе. Судья не орудие, которое используется сторонами, которые по прежнему праву были хозяевами процесса. Он хозяин процесса и активный руководитель сторон. Как руководитель процесса по пути к выяснению материальной правды суд не должен ни на минуту забывать, что в деле, где участвуют трудящиеся, он их помощник и его первая задача облегчить ведение процесса, дабы чуждые пролетарскому сознанию формальности не служили препятстви-

ем к защите права. Судья на время подготовки превращается в советника. Этим нарушается равноправие, но эта функция совершенно необходима при культурной отсталости населения и новизны всего принесенного революцией законодательства.

В области доказательств «суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства» (ст. 118) и «производить необходимые поверочные действия по представленным доказательствам» (ст. 121). Если бы состязание велось на основании материала известного лишь сторонам, а не судьям, или если бы доказательства являлись на суде в передаче заинтересованных лиц, то наблюдающий орган – суд легко мог бы впасть в ошибку и вынести ненадлежащее решение. Действующий гражданский процессуальный кодекс, узаконяет активность суда. Этот принцип на Западе называется началом официальности.

3. Непосредственность. Когда судья при рассмотрении дела сам проверит доказательства, сам заслушает объяснения и сам взвесит материал, то возможность ошибки значительно уменьшается. С этой целью законодательства вводят в процесс в качестве дополнения к началу состязательности принцип непосредственности. Непосредственность есть не что иное, как самостоятельное, независимое от других лиц воспринимание и рассмотрение данных дела. Принцип непосредственности в процессе дает право и обязывает судью лично заслушать объяснения сторон, вопросами и ответами

на них разъяснить непонятное в их объяснениях, произвести осмотр вещей, знание которых необходимо для понимания спора, самостоятельно оценить показания свидетелей и другие доказательства, исследовать, в свою очередь, экспертизу сведущих людей посредством опроса их и т. п. Принцип непосредственности весьма ценное для процесса начало, так как дает возможность судье понять не только мысли, выраженные сторонами, но и те мысли, которые они не могут выразить, и те оттенки, которые они желали бы скрыть в целях выигрыша во что бы то ни стало дела, а тем самым облегчает открытие истины. Все законодательства кладут начало непосредственности; вместе с началом состязательности в основу гражданского процесса, допуская исключения только в случаях невозможности его проведения или в случаях чрезмерной трудности осуществления.

Принцип непосредственности несколько приближается к введенному действующим гражданско-процессуальным кодексом началу активности суда (ст. 5), но он проводится в западных законодательствах по процессу, как принцип пассивной по отношению к ходу дела информации суда в интересах беспристрастия об истинном положении дела, какое ему хотят придать стороны, тогда как активность суда, по Гражданскому процессуальному кодексу требует от него выяснения положения, которое соответствует интересам *классового* государства.

4. Начала устности и письменности. – Выше мы ска-

зали, что начало непосредственности связано с началом устности. Действительно, между ними существует тесная связь, ибо непосредственность мыслима только при изустном изложении требований сторон, их объяснений и доказательств. Всякое иное сношение суда со сторонами требует посредства того или иного вещественного предмета, например бумаги и пера. Поэтому отсутствие устности исключает возможность непосредственности процесса, но не наоборот, т. е. процесс непосредственный должен быть неизбежно основан на начале устности, но процесс, основанный на начале устности, может и не быть непосредственным, так как допустимо восприятие устных объяснений и чрез посредство особых органов, что прежде наблюдалось в коммерческих судах, как это происходит ныне в уголовном процессе. Органы, выслушивающие объяснения, конечно, воспринимают их непосредственно, но суд – через посредство их; а так как решающей в процессе ролью является роль суда – заседания, то процесс, основанный на непосредственности восприятия посредствующих между судом заседанием органов и не может быть назван непосредственным.

Началом устности в процессе называется проведенный в законе принцип, в силу которого для суда имеют обязательное значение требования и объяснения сторон только при условии, если они заявлены устно, т. е. на словах.

Началу устности противопоставляется начало письменности, т. е. принцип, в силу которого для суда обязательны

требования и объяснения сторон, изложенные в письменной форме. В зависимости от того, какое начало заложено в процесс, стороны обязаны сноситься с судом письменно или устно. Другими словами, если в процесс принято начало устно, то тяжущиеся стороны обязаны лично или через поверенных явиться в суд и заявить на словах, если еще не заявили письменно, или повторить на словах, коль скоро заявили на письме, все свои требования и объяснения, на которых они настаивают, так как в противном случае суд должен будет признать их письменные заявления не имеющими для дела значения. Наоборот, если в процессе принято начало письменности, то тяжущиеся стороны обязаны все свои требования изложить в бумагах, подаваемых в суд прежде судебного разбирательства, так как словесные объяснения, не изложенные в судебных бумагах, должны быть оставлены судом, как не надлежаще заявленные, без уважения.

Начало устности и письменности должно отличать от устной или письменной формы производства дел. Устная форма производства дел есть ведение спора посредством словесных объяснений во время рассмотрения дела судом, а письменная – ведение его посредством судебных бумаг, независимо от требования законодателя придавать значение заявлениям, предъявленным словесно или на письме. Принципы же устности и письменности есть, именно предписания закона об обязательности словесных или письменных заявлений сторон для суда. Процесс может вестись в

устной форме и при письменном начале.

От формы, в которой ведется спор сторон, следует отличать то начало, тот принцип, который проведен в процессе.

В самом деле, все объяснения или заявления тяжущегося служат побудительной причиной для деятельности суда. Так, например, если тяжущийся будет просить о допросе свидетелей, то суд, если найдет просьбу подлежащей удовлетворению, обязан вызвать и допросить свидетелей. Однако же эта просьба тяжущегося получит для суда обязательную силу по предписанию закона (другими словами, получит для суда юридическое значение) в зависимости от того, в какой форме она должна быть сделана по принципу, проведенному в законе, т. е. проводится ли в нем принцип письменности или устности. Различать эти два явления: форму состязания и принцип, который проводится в процессе, необходимо потому, что они не всегда совпадают, т. е. не всегда законодатель проводит принцип письменности при допущении письменной формы состязания. В процессах некоторых стран встречаются примеры этого несовпадения. Так, в общегерманском процессе допускается обмен бумаг между сторонами, следовательно, состязание ведется в письменной форме, а между тем в процессе проведен принцип устности (непосредственности). Это видно из того, что объяснения, изложенные в состязательных бумагах, не имеют значения для суда, если не будут повторены устно в словесном состязании.

Нужно добавить, что обмен состязательных бумаг в но-

вейших процессуальных кодексах преследует и самостоятельные задачи: с одной стороны, создается особое предварительное производство (в Австрии), где дела могут иногда совершенно заканчиваться в простейших случаях, а с другой – обеспечивается концентрация материала, особенно доказательственного, в кратчайший срок, прежде представления его на рассмотрение суда (Австрия, Германия).

Начало устности и начало письменности имеют каждое свои достоинства и недостатки-. Начало устности, как уже было сказано, имеет прежде всего то достоинство, что ведет к непосредственности процесса, исключает возможность беззастенчивой лжи, ибо лицом к лицу солгать гораздо труднее, чем на бумаге; далее, начало устности дает возможность сторонам «договориться до конца», выяснить все темные вопросы дела, исправить невольные погрешности; наконец, и, это самое главное, для современного процесса, начало устности ведет к простоте и быстроте процесса. Но зато оно имеет и крупный недостаток. Часто бывает, что не человек владеет словом, а слово человеком, и увлеченный собственным или чужим словом тяжущийся или суд могут не заметить сущности дела, могут упустить из виду существенные для дела данные и прийти в увлечении не туда, куда привело бы их спокойное обсуждение дела.

Письменное начало лишено этого недостатка. Как тяжелая артиллерия процесса, оно медленно, но верно идет к намеченной цели, постепенно разрушая все преграды, все

неясности, все запутанные моменты спора. При письменном начале суд спокойно, как древний летописец, взвешивает и оценивает все доводы за и против сторон, ибо они все пред ним на бумаге, все запротоколированы. При – письменном начале красное слово бьет мимо цели, а находчивость имеет минутное значение, зато неповоротливость мысли, отсутствие красноречия не препятствуют торжеству справедливости. Начало письменности гарантирует и основательность процесса, и правильность решения, но слишком дорогою ценою – ценою большого замедления производства дел, что совершенно нежелательно и извращает задачи процесса.

Со второй половины XIX в. всюду наблюдается стремление строить процесс на соединении принципов устности и письменности, чтобы не лишать тяжущихся достоинств того и другого. Так, судебные уставы 1864 года проводили смешанный принцип, в силу которого для суда имели обязательное значение и письменные и устные заявления сторон, но вторые допускались только в разъяснение обстоятельств, требований и заявлений, изложенных в первоначальных бумагах, хотя бы в виде кратких тезисов.

Зло гражданского процесса заключалось в обилии поводов для всяких затяжек дел, откладываний дел по разным предложениям, уклонений от ответа и т. д. Создалась целая система использования так называемых процессуальных прав в целях оттяжки дела, равносильной иногда неправосудию. Подается прошение, неоплаченное сбором, для использова-

ния 7-дневного срока для его оплаты. Но если и прошение подано, и срок соблюден, то реальных последствий может не быть никаких, так как оно оставлено без движения; заявляется встречный иск, но не излагается в письменной форме, исключительно для того, чтобы опять-таки отложить дело. Весь старый процесс был построен как бы для того, чтоб предоставить недобросовестным ответчикам полную возможность на законном основании уклониться от ответственности. Существовало какое-то слепое преклонение предпроцессуальным правам. Правила действующего Гражданского процессуального кодекса – технические условия деятельности суда. Они существуют для облегчения суда в трудной работе выявления правды в деле, поэтому процессуальные права сторон самодовлеющего значения не имеют и всякие злоупотребления ими согласно ст. 6 Гражданского процессуального кодекса «немедленно пресекаются судом», так как стороны обязаны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами.

Быстрота процесса достигается целым рядом постановлений Кодекса. В этом отношении заслуживает внимания ст. 33, которая запрещает пререкания о подсудности. Если какое-либо дело поступило в суд того или иного района, из другого суда, который признал дело себе. Неподсудным и направил его в данный суд, то последний обязан рассмотреть дело, хотя бы и считал дело себе неподсудным.

Быстрота процесса достигается далее соответствующим

построением системы обжалования.

В этом отношении Кодекс воспроизводят одно из основных начал революционного судопроизводства, а именно существование одной лишь инстанции, только кассационный порядок обжалования при весьма немногочисленных поводах кассационного обжалования. Соединение двух принципов должно быть признано и наиболее правильным, так как при этом производство при желании сторон не замедляется, а основательность процесса обесценивается изложением требований на бумаге.

5. Начало гласности. – Составление письменных заявлений по делам, производимым в порядке письменного производства, не означает, однако, что этот порядок носит на себе и прочие следы дореволюционного процесса. Составление их далеко от составления бумаг в прежних судах, где она «фабриковалась» в тайниках канцелярий, вдали от света и «назойливого» взора «просителей». Современное исковое заявление только случайный остаток старины и не вещает ни всемогущества канцелярии, ни тайны производства. Процесс нашего времени принимает также и начало гласности. Да иначе и быть не может! В наш век развития общественного контроля во всех его формах тайна производства немыслима не только потому, что ни один законодатель не рискует создать средневековый закулисный суд, заранее обреченный на полное неуважение населения, по еще и потому, что ныне нет такой тайны, которая не стала бы явной при

нужде в ее разоблачении.

Гласность производства великое благо для сторон и ценная гарантия правосудия. Начало гласности исключает возможность недобросовестности судей, усиливает внимательность их и вообще способствует торжеству правды и справедливости в суде, а тем самым укрепляет и авторитет его в глазах населения.

Начало гласности проявляется в двух видах: в виде публичности заседаний и в виде допущения сторон к присутствованию при всех процессуальных действиях в суде. Первое выражается в праве публики, т. е. лиц посторонних делу присутствовать в зале заседания при рассмотрении дел, исключая тех, при рассмотрении которых двери должны быть закрыты.

Второе выражается в том, что все заявления одной стороны сообщаются другой, что дело слушается в присутствии сторон, что все действия суда вне заседания, направленные к выяснению спорного правоотношения, как допрос свидетелей, осмотр на месте и экспертиза, требуют их присутствия и что стороны в праве обозревать дела в канцелярии.

Отдел второй

Судоустройство Р.С.Ф.С.Р

§ 8. Общесудебные учреждения

1. Действующее законодательство. Положение о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р принято IV сессией В.Ц.Н.К 9-го созыва на заседаниях от 23 и 31 октября 1922 г. Изменения в это положение внесены затем II сессией 10-го созыва 7 июля 1923 г., каковым постановлением установлена окончательная редакция действующего ныне положения (введены новые главы, изменена нумерация и проч.). Официально опубликованы первоначальное положение – в Собрании Узаконов Р.С.Ф.С.Р от 17 ноября 1922 года № 69 ст. 902, а изменения к нему в Собрании Узаконов от 25 июля 1923 г. № 48 ст. 481. Согласно вводу закону положение введено в действие на всей территории Р.С.Ф.С.Р с 1 января 1923 г.

2. Судоустройство Р.С.Ф.С.Р до введения в действие положения о судоустройстве. До введения в действие «положения о судоустройстве» от 31 октября 1922 года, в Р.С.Ф.С.Р действовали две системы судов: 1) народных судов, советов народных судей и Высшего Судебного Контроля Народного Комиссариата Юстиции и 2) система рево-

люционных трибуналов – губернских, военных, транспортных и Верховного.

Положение о народном суде в окончательной своей редакции было принято В.Ц.И.К. еще 21 октября 1920 г. (распубликовано в Собрании Узаконений за 1920 г. № 83 ст. 407) и с этого времени действовало почти без изменений. Согласно ему на территории Р.С.Ф.С.Р. существовал единый народный суд в качестве первой инстанции как по гражданским, так и по уголовным делам, работавший в составе: 1) одного постоянного народного судьи; 2) постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей и 3) постоянного народного судьи и шести народных заседателей. Для разбора более важных дел организовывались особые сессии народного суда (Собр. Узак. 1920 г. № 100 ст. 541). В качестве кассационной инстанции действовали губернские советы народных судей. Высший судебный контроль, осуществлявшийся Народным Комиссариатом Юстиции, был установлен постановлением В.Ц.И.К. и С.Н.К. от 10 марта 1921 года. (Собрание Узаконений за 1921 г. № 15 ст. 93). Согласно положению о В.С.К. на Н.К.Ю. было возложено: а) общий надзор за деятельностью судебных органов; б) признание не имеющими законной силы приговоров и решений судебных органов Р.С.Ф.С.Р., хотя и вступивших в законную силу, но требующих пересмотра, в) разрешение вопроса о возобновлении судебных дел в виду вновь открывшихся обстоятельств.

Система революционных трибуналов была установлена

положением о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г. (Собр. Узак. 1920 г. № 22–23 ст. 115), положением о революционных военных трибуналах (Собр. Узак. 1920 г. № 54 ст. 236) и положением о революционных военных железнодорожных трибуналах (Собр. Узак. 1920 г. № 21 ст. 112) и постановлением об объединении всех революционных трибуналов республики от 21 июня 1921 г. (Собр. Узак. 1921 г. № 51 ст. 294).

3. Судебные учреждения. Эти две системы судов, регулировавшиеся, кроме перечисленных, целым рядом других декретов и постановлений, в настоящее время заменены единой системой судебных учреждений, вне которых, как общее правило, не может быть никаких судебных учреждений. Эта система состоит из:

1. Народного суда в составе постоянного народного судьи;
2. Народного суда в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей;
3. Губернского суда;
4. Верховного Суда Р.С.Ф.С.Р и его коллегий.

Кроме этих обыкновенных судов, власть которых распространяется на всех вообще граждан и на все гражданские дела., поскольку в законе не установлено специальных изъятий для рассмотрения дел специальных категорий ввиду особой сложности таковых дел, необходимости специальных знаний и навыков для их рассмотрения и по соображениям особой опасности отдельных категорий преступных де-

ний для военной мощи республики или ее хозяйственно-го преуспевания, – наряду с единой системой народных судов Р.С.Ф.С.Р, временно действуют следующие специальные суды: а) по делам о преступлениях, угрожающих крепости и мощи красной армии – военные трибуналы; б) по делам об особо важных преступлениях, угрожающих транспорту, – военно-транспортные трибуналы; в) по делам о преступлениях, по нарушению Кодекса законов о труде – особые трудовые сессии народных судов; г) по делам земельным – земельные комиссии и д) по делам о спорах об имущественных правах между государственными органами – состоящие при Совете Труда и Оборона и губернских экономических совещаниях центральная и местные арбитражные комиссии (ст. 2 ПОС.)

4. Народный суд. Народный суд в составе единолично-го постоянного народного судьи или в составе постоянного народного судьи и двух меняющихся народных заседателей является первой основной ячейкой системы судебных учреждений Р.С.Ф.С.Р. Он действует в пределах уездного или городского района, каковой ему определен.

Положение о судоустройстве и многочисленные циркуляры И.К.Ю занимают крайне важными вопросами о том, кто может быть судьей, как и в каком порядке может быть избран и смещен судья. Согласно ст. 11 положения народным судьей может быть каждый гражданин и гражданка Р.С.Ф.С.Р, отвечающий следующим условиям:

а) имеющий право избирать и быть избранным в советы. Таким образом, в соответствии со ст. 64 Конституции Р.С.Ф.С.Р народным судьей могут быть все трудящиеся не моложе 18 лет, за исключением:

- 1) лиц, прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- 2) лиц, живущих на нетрудовой доход, как-то проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;
- 3) частных торговцев, торговых и коммерческих посредников;
- 4) монахов и духовных служителей церквей и религиозных культов;
- 5) служащих и агентов бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также членов царствовавшего в России дома;
- 6) лица, признанные в установленном порядке душевно-больными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой;
- 7) лиц, осужденных за корыстный и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором (Сравн. ст. 40—42 Уголовного кодекса).

Кроме того, в соответствии с декретом об административной высылке от 10 августа 1922 г. (Собрание Узаконений 1922 г. № 51 ст. 646) к этому списку должны быть добавлены:

- 8) лица, в отношении которых применена административ-

ная высылка на время таковой.

Другим условием установленным положением для избрания в народные судьи является:

б) не менее двух лет стажа ответственной политической работы в рабоче-крестьянских общественных, профессиональных и партийных рабочих организациях или трех лет стажа практической работы в органах советской юстиции на должностях не ниже народного следователя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.